

тельный, категорический, не допускающий никакого сомнения. Человек бросивший второй снаряд, не находится в числѣ подсудимых. Онъ не преданъ вашему суду, но онъ обнаруженъ. Онъ покончилъ свои расчеты съ земною жизнью—онъ умеръ подъ ложнымъ именемъ Ельникова отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ. Смерть избавила его отъ скамьи подсудимыхъ и законнаго возмездія, но она не избавляетъ меня отъ необходимости доказать предъ вами, что оба виновника взрыва, оба физическіе виновники злодѣянія обнаружены: одинъ изъ нихъ подсудимый Рысаковъ, другой умершій, называвшійся Ельниковымъ. Вы помните, мм. гг., что изъ показаній свидѣтелей объ обстановкѣ второго взрыва, происшедшаго въ густой толпѣ, собравшейся вокругъ Монарха, вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что человекъ бросившій второй снарядъ, стоялъ близко отъ Государя Императора. Дѣйствительно, свидѣтель Павловъ видѣлъ человека, который, стоя близъ Государя, къ ногамъ Его бросилъ что-то, высоко взмахнувъ руками, послѣ чего и раздался второй взрывъ. При наличности этого условія, при маломъ разстояніи между бросившимъ второй снарядъ и Государемъ Императоромъ, слагается еще и другой очевидный выводъ: тотъ, кто бросилъ второй снарядъ, не могъ самъ избѣжать пораненій, не могъ не пострадать отъ взрыва, онъ стоялъ слишкомъ близко къ своей жертвѣ для того, чтобы и на немъ не отразилось разрушительное дѣйствіе его собственнаго дѣла. На кого же изъ пострадавшихъ могло бы пасть подозрѣніе? Всѣ они перечислены, приведены въ извѣстность. Между ними, лицами ближайшей свиты и конвой, также какъ и случайными прохожими, нѣтъ ни одного подозрительнаго человека, кромѣ того лишь неизвѣстнаго, который былъ въ безсознательномъ состояніи поднятъ на мѣстѣ злодѣянія, доставленъ въ придворный конюшенный госпиталь и здѣсь, придя въ себя, на послѣдній вопросъ врача объ имени и званіи, которыя не были обнаружены, отвѣчалъ: „не знаю“. Этотъ человекъ и никто другой долженъ быть признанъ лицомъ, которое бросило второй снарядъ. Эксперты, освидѣтельствовавшіе его при жизни и производившіе медицинскій осмотръ его трупа, по даннымъ этого осмотра, изложеннымъ въ ихъ заключеніи, окончательно убѣждаютъ насъ въ справедливости нашего вывода. Пораненія этого лица сосредоточиваются болѣе всего на передней сторонѣ туловища, преимущественно на правой рукѣ, и по количеству ихъ—а оно огромное,—по свойствамъ они должны быть приписаны тому обстоятельству, что получившій пораненія стоялъ не далѣе трехъ шаговъ отъ мѣста взрыва—замѣтите это вполне совпадаетъ съ показаніемъ свидѣтеля Павлова. Слѣдовательно, второй снарядъ былъ брошенъ человекомъ, назвавшимъ себя Ельниковымъ. Дальнѣйшія разслѣдованія относительно этого лица не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, кто именно былъ вмѣстѣ съ подсудимымъ Рысаковымъ, непосредственнымъ виновникомъ злодѣянія. Онъ жилъ подъ именемъ Ельникова на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, гдѣ 3-го марта и былъ сдѣланъ обыскъ. Не останавливаясь теперь на обстоятельствахъ этого обыска, къ которому мнѣ еще придется возвратиться впослѣдствіи, замѣчу теперь, что у Ельникова была найдена та самая программа рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“, которая оказалась и у его соучастника Рысакова, кромѣ того еще платокъ съ мѣткою „Н. И. Р.“ (Николай Ивановъ Рысаковъ), признанный Рысаковымъ за оставленный имъ у знакомаго ему Ельникова. Такимъ образомъ Рысаковъ и Ельниковъ неразрывно связаны между собою. Первый снарядъ—въ рукахъ Рысакова, второй—въ рукахъ Ельникова. Ельниковъ, онъ же Михаилъ Ивановичъ, онъ же котикъ—революционное прозвище—вотъ все, что мы знаемъ объ этомъ человекѣ. Смерть избавила его отъ людскаго суда, да будетъ такъ. Для насъ важно лишь то, что оба физическіе виновники злодѣянія обнаружены.

И такъ мы знаемъ совершителей злодѣянія, мы знаемъ и орудіе преступленія. Едва ли нужно мнѣ останавливаться въ подробностяхъ на метательныхъ снарядахъ, такъ полно и обстоятельно описанныхъ и въ экспертизѣ письменной, произведенной при изслѣдованіи настоящаго дѣла, и въ авторитетномъ заключеніи экспертовъ, въ особенности генерала Федорова, даннымъ ими здѣсь на судѣ. Я укажу только на нѣсколько болѣе рельефныхъ особенностей. Орудіемъ преступленія были метательныя снаряды. Оба снаряда, брошенные на Екатерининскомъ каналѣ, разорвались. Отъ внѣшней ихъ оболочки на мѣстѣ преступленія найдено было только нѣсколько кусочковъ жести. Но по обыску въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ ночь со 2-го на 3-е марта, были найдены два заключенные въ такую же жестяную оболочку метательные снаряды, и если бы мы не имѣли передъ собою ни показаній Желябова, Перовской и Рысакова и ни одного свидѣтельскаго показанія, удостоверяющихъ, что именно изъ конспиративной квартиры на Телѣжной улицѣ отправились на злодѣянія лица, его совершившія, то на основаніи сличенія этихъ снарядовъ съ остатками и дѣйствіемъ снарядовъ, разорвавшихся на Екатерининскомъ каналѣ, мы могли бы установить полное тождество между ними и сказать, что преступленіе было совершено такими же снарядами, какъ тѣ, которые были найдены въ Телѣжной улицѣ. Экспертиза гг. Федорова, Лисовскаго и Шахъ-Назарова указываетъ на это, а показанія Рысакова, Перовской и Желябова лишь это подтверждаютъ. Объ устройствѣ метательныхъ снарядовъ можно говорить на основаніи экспертизы генерала Федорова или на основаніи экспертизы подсудимаго Кибальчича. Да, Кибальчича, потому что Кибальчичъ „техникъ“, онъ не только человекъ, изучившій эти снаряды въ подробности и совершенствѣ, онъ авторъ ихъ, и кому же, какъ не ему, лучше знать, какъ они устроены. Поэтому указанія Кибальчича объ этихъ снарядахъ въ томъ, въ чемъ они не расходятся съ заключеніемъ экспертовъ и въ чемъ они не имѣютъ въ виду конспиративныхъ интересовъ Кибальчича и его партіи, не лишены для насъ извѣстнаго значенія. Дѣйствіе этихъ снарядовъ неотразимо, ихъ устройство основано на такой системѣ, въ которой составныя части другъ друга продолжаютъ и восполняютъ, доводя воспламенение до взрывчататаго вещества гремучаго студня, исключая всякую возможность неудачи. Воспламенение непременно должно послѣдовать отъ простаго сильнаго сотрясенія; оно сообщается ударному составу, который есть послѣднее слово техники и производитъ взрывъ. Онъ неизбеженъ этотъ взрывъ еще и потому, что внутренній аппаратъ снаряда устроенъ вдвойнѣ такъ, что какъ бы снарядъ ни упалъ—вертикально или горизонтально—взрывъ долженъ произойти непременно, и оба источника воспламененія—два стеклянные трубочки, наполненные сѣрною кислотою съ давящими на нихъ грузиками, соединяются съ взрывчатымъ веществомъ. Тонкость исполненія снарядовъ, изобрѣтательность, потраченная на нихъ, и возможность, при наличности частей, входящихъ въ ихъ составъ, собрать снарядъ одному человеку и притомъ домашними средствами, также не подлежатъ сомнѣнію. И такъ, совершители злодѣянія и его орудія обнаружены. Но этого мало—и немедленно вслѣдъ за этимъ передъ нами встаетъ вопросъ: одни ли эти двое, Рысаковъ и называвшій себя Ельниковымъ, совершили злодѣяніе безъ соучастниковъ, дѣйствовали ли они за свой личный счетъ, по собственнымъ

своимъ побужденіямъ; совершили ли они его какъ Рысаковъ и Ельниковъ, или какъ люди, принадлежащіе къ цѣлому злодѣйскому тайному соединенію? На это намъ отвѣчаетъ категорически простой здравый смыслъ—нѣтъ. А если нѣтъ то нужно найти и руки, державшія концы тѣхъ нитей, которыя двигали Рысаковымъ и Ельниковымъ; нужно найти головы, этими руками владѣвшія, головы, въ которыхъ сложился ужасный замыселъ и безъ которыхъ онъ не былъ бы и не могъ бы быть приведенъ въ исполненіе. Одному Рысакову и Ельникову нельзя было совершить злодѣянія уже по самымъ средствамъ, ими употребленнымъ. Кромѣ того, я думаю, что какъ бы низко ни палъ человекъ, какъ бы ни были преступны и гнусны его личные побужденія, изъ-за однихъ этихъ личныхъ, отдѣльныхъ побужденій онъ никогда не рѣшился бы; онъ содрогнулся бы и остановился бы передъ ужасомъ цареубійства. Я утверждаю, что дрогнула бы рука, вооруженная смертоноснымъ снарядомъ и остановилась бы и Ельниковъ и Рысаковъ, если бы за спиной ихъ не стоялъ Желябовъ, если бы за Желябовымъ не стояла пресловутая „партія“... Все—и сущность преступленія, и способъ его совершенія, и личный, далеко не твердый и незакаленный характеръ самого физическаго виновника преступленія, Рысакова, наводитъ на мысль, что оно сложилось не въ его головѣ и вышло не изъ однихъ его рукъ даже не изъ простаго соединенія двухъ или болѣе лицъ, согласившихся между собою. Нѣтъ, у всякаго русскаго гражданина готовъ на это другой отвѣтъ: оно есть дѣло рукъ той же „соціально-революціонной партіи“, которая съ февраля 1878 года въ теченіи трехъ лѣтъ не перестаетъ ознаменовывать себя крамолою и кровью, которую она проливаетъ на русской землѣ. Да, для насъ всѣхъ очевидно тою самою „партіею“, у которой, по словамъ Желябова, мысль о цареубійствѣ составляетъ „общее достояніе“, а динамитъ—„общественную собственность“. Будемъ же, слѣдовательно, искать соучастниковъ Ельникова и Рысакова, и для того, чтобы не ошибиться въ этихъ поискахъ, чтобы съ точностью указать на каждого изъ нихъ въ отдѣльности, сначала оставимъ въ сторонѣ соединеніе ихъ въ одно будто бы политическое цѣлое, въ одну „партію“, и постараемся отмѣтить и изобличить ихъ сначала только какъ отдѣльныхъ дѣятелей общаго преступленія. Слѣдуя шагъ за шагомъ за ходомъ изслѣдованія настоящаго дѣла, въ хронологическомъ порядкѣ розысковъ, мы получимъ такой рядъ всѣхъ данныхъ. Какъ наводненіе оставляетъ за собою слѣды, по которымъ можно впослѣдствіи прослѣдить, по какимъ мѣстамъ оно прошло, какія мѣста были покрыты водою, какъ на землѣ остались водоросли, сырость, плѣсень, такъ точно возможно одно за другимъ, прослѣдить мѣста, по которымъ прошелъ заговоръ, отмѣтить лицъ, которыхъ онъ охватилъ собою, констатировать его фактическіе и матеріальные слѣды. Въ этихъ розысканіяхъ прежде всего приходится на подсудимомъ Желябовѣ, уже по одному тому, что его вступленіе въ настоящее дѣло предшествуетъ, если такъ можно выразиться, даже самому совершенію злодѣянія. Его зачинщикъ и одинъ изъ главнѣйшихъ его виновныхъ, онъ былъ арестованъ за два дня до злодѣянія 27-го февраля. Розыскиваемый еще съ осени 1879 года, по обвиненію въ совершеніи, посредствомъ взрыва близъ города Александровска, покушенія на жизнь Государя Императора,